

УДК 711.424+711.4.03

Малахов С. А., Адамова Е. А.

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Malakhov S. A., Adamova E. A.

Samara State University of Architecture and Civil Engineering

ФОРМА ГОРОДСКИХ ЛОКАЛЬНОСТЕЙ THE FORMATION OF URBAN LOCALES

В статье приведен анализ саморазвития городских локальностей, возможность влияния формы и структуры на саморазвитие. Форма границы выступает как первый и основной элемент для самоидентификации территорий. Важным является выбор размера и оппозиция проектов через диалог по принципу «разрешения культурного конфликта “up-bottom” - “bottom-up”». Историческая среда самарских кварталов дает прекрасный урок для последующих экспериментов создания саморазвивающихся территорий на новых городских участках.

This article presents analysis of the spontaneous development of urban locales and the possible influence of form and structure on this process. The form of boundaries acts as the primary and fundamental element for the self-identification of territory. It is important to select the size and opposition of projects through the cultural dialectic ‘top-down’ vs. ‘bottom-up’. The historical grain of the city blocks of Samara offer instruction for new experiments in the creation of territories for spontaneous development on new urban sites.

Ключевые слова: Форма локальности, идеальные города, структура территории, культурный конфликт проектов, уроки исторической среды

Keywords: Locale formation; the ideal city; territorial structure; cultural conflict of projects; lessons from the historical environment

Нужна ли форма городской локальности, если принципиальным вопросом, заинтересовавшим урбанистов, теперь становится саморазвитие [1]?

Можно, конечно, адаптироваться к современному городу, определяя локальности, как проникающие друг в друга «урбанистические поля», как бесконечный урбо-ландшафт, чередующий хаос с видимостью упорядоченных фрагментов, большинство из которых не родились в постсоветские времена, а достались в наследство «дикому капитализму», у которого в замыслах вообще отсутствует представление о необходимости архитектурной формы.

Соблазном можно считать такие простые решения, как вынос новых локальностей на новые территории с тем, чтобы любую кажущуюся разумной программу можно было начинать «с чистого листа». Есть, например, поле, а в нем создается локальность в виде круга, напоминающего нам об идеальных городах-утопиях Платона, Кампанеллы или Скамоцци [2]. Круг заселяется, на площади – возникает общественный центр с органом самоуправления, и, в результате появляются внятные предпосылки для развития самоуправляемой террито-

рии. Наверное, Алан де Боттон [3] поддержал бы эту идею, потому как круг представляется той самой формой, интегрирующие свойства которой выглядят приоритетными по сравнению с дезинтеграционным мотивом. Вокруг круга – чистое поле, потому что к кругу почти невозможно пристроить стандартный прямоугольный микрорайон. Херцбергер приводит пример круглых китайских домов-поселений [4,5], объединяющим центром которых является внутренняя центральная площадь, и мы видим, что эти «круги» существуют практически как самостоятельные полисы и выглядят как острова среди моря.

В дипломном проекте Вадима Пшеничникова и Ирины Суховой (группа 8Д, руководители Е. Репина и С. Малахов) вновь возникает реплика на идеальный город, на этот раз квадратный, как у Томаса Мора, с артикулированной квадратной сеткой, главной площадью и аттрактивной периферией, придающей компактному поселению под названием Циолковский жутковатое сходство с затерянной цивилизацией или секретным объектом советских времен [6]

Отметим несколько характеристик, прису-

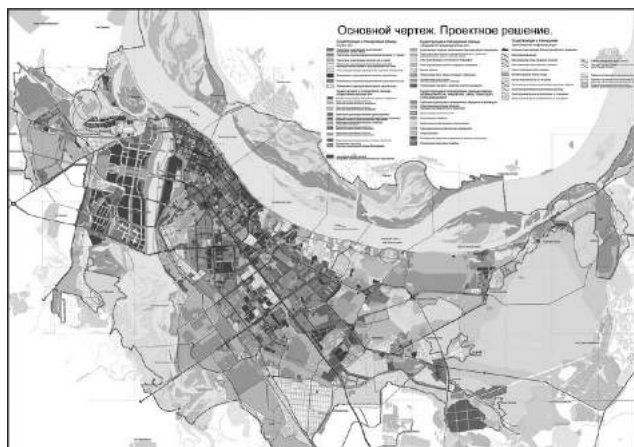

Рисунок 1. Генплан Самары - утрата формы городских локальностей

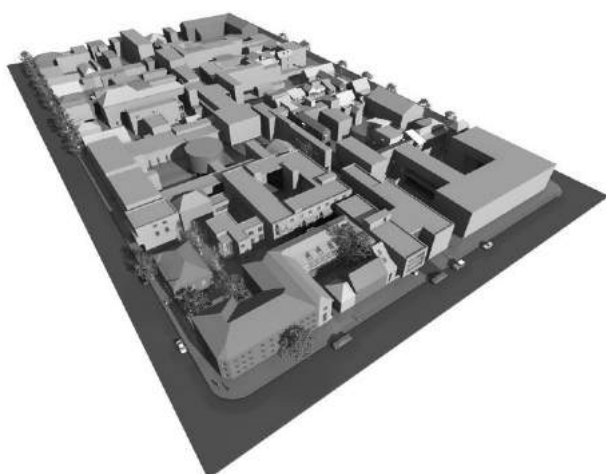

Рисунок 2. Квартал 79, г. Самара. Проект саморазвития на основе межевания локальности «Самарского квартала», исторические границы подворий.

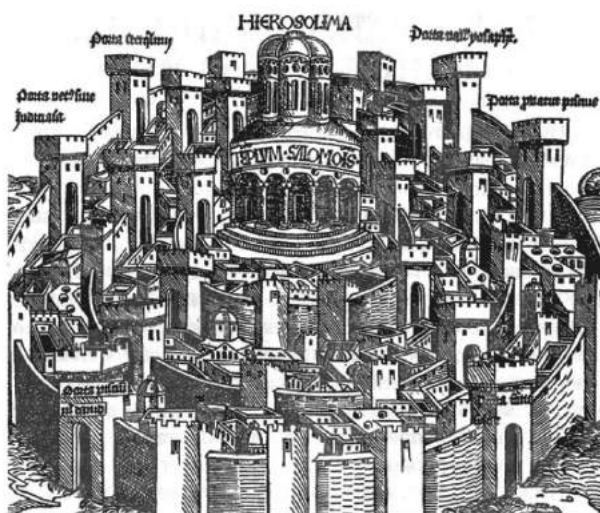

Рисунок 3. Иерусалим как концепция идеального города, немецкая гравюра XV в.

щих приведенным примерам – как неких условий, благоприятствующих процессу саморазвития.

Наличие ясной и простой формы периметра территории локальности;

Компактность застройки (узкие улицы);

Малозэтажность застройки (2-4 этажа);

Выделение центра с главной площадью и общественным объектом.

Размер, не превышающий дистанции 10-минутной пешеходной прогулки.

В общем и целом, подобная модель предполагает бинарную формулу, объединяющую внятную внешнюю границу и артикулированную иерархически организованную структуру. В этом смысле, со времен римского военного поселения человечество так, казалось бы, ничего нового не придумало в плане соединения формы и процедур существования относительно независимой локальности. Разница только в том, что в римском военном поселении саморазвитие исключалось, зато поддерживалась строгая иерархия и единоначалие [7].

Тогда нам стоит сделать некоторое различие между самоуправлением и саморазвитием. В поселении, восходящем к жесткой спланированной форме идеального города, саморазвитие может восприниматься как нонсенс, зато самоуправление вполне адаптируется к «идеальной форме» просто в силу того факта, что в ограниченном и структурированном пространстве возможность возникновения соседства не вызывает сомнений. Чем компактнее и качественнее форма поселения, тем выше градус ответственности за его состояние и будущее, легко разделяемое соседями как «общее дело». Ничего этого практически невозможно сделать в микрорайоне с высотной типовой застройкой и отчужденным способом поквартирного расселения обитателей. Пример, доказывающий, что даже в идеальной архитектурной оболочке саморазвитие осуществимо, приводит Херцбергер, демонстрирующий иллюстрации средневекового освоения под жильё внутреннего пространства римских арен (колизеев) в Ниме и в Арле [4].

Рисунок 4. Проект «Гисполис - холм» - вариант гармоничной формы локальности

Более органичной для самоуправления и саморазвития представляется среда исторических кварталов таких городов, как Самара. Этот тип среды объединяет вышеперечисленные качества с рядом уникальных особенностей, таких, как например, разделение кварталов на подворья или «дома-дворы, что позволяет обитателям, собственникам подворий (парцелл) не только объединяться в компактные соседства, но и производить самостоятельную реконструкцию застройки, осуществляя тем самым процесс естественного саморазвития локальности [8].

Саморазвитие – термин, выражающий не просто оригинальную лингвистическую девиацию термина «развитие», без применения которого уже невозможно представить современное общество и его дискуссию по поводу будущего. Саморазвитие подразумевает заботу резидентов о своей территории, исходя из своих ресурсов, хотя в полной мере рассчитывать на свои и только свои возможности – маловероятный сценарий. Это нереально хотя бы по той причине, что между локальностями мы стремимся создать дистанции, проложить коммуникации, а также реализовать некоторые важные программы, основанные на «вертикальных проектах» (up-bottom).

Поэтому саморазвитие логичнее было бы заменить термином «устойчивое развитие», объединив тем самым разные типы деятельности на территории и вокруг, но тогда исчезает ассоциативное усиление основного смысла, потерявшегося давно под давлением жизнестроительных доктрин модернизма и авторитарных моделей города [9].

В архитектурном формообразовании саморазвитие внутри самарской парцеллы – есть уже свершившийся социокультурный и архитектурный феномен. Отстает самоуправление, но зато «саморазвивается» застройка. Исследование квартала №13 демонстрирует великолепные результаты анонимной архитектуры. В отличие от «идеальных городов» с жесткой архитектурной формой (Леду, Гарнье, Корбюзье) [7, 10, 11] самарские дворы представляют собой «жесткие коды», инициирующие бесконечное число примеров «саморазвивающейся архитектуры».

Проектный сценарий саморазвития на основе самарского двора был представлен в нескольких разработках, опубликованных еще в 80-х годах. Исходной методологической концепцией, связанной с идеей саморазвития и как следствие – возникновением феномена «естественной формы среды», можно считать «эксперимент естественного моделирования» в квартале №46 в Самаре (журнал Архитектура СССР, 1985 г.) [12], а также «Программа «Ковчег», опубликованная позже и основанная на создании идее маневренного жилища внутри подворья [13]. На базе этих двух концепций были разработаны концептуальные проекты для Софийской Биеннале Архитектуры, а в 1991 г. в квартале №79 была сделана попытка и начато строительство маневренного жилого дома «Трилистник».

Практика показывает, что в общем процессе генезиса моделей саморазвития возникает ключевой эпизод, связанный с оппозицией «жесткого по форме профессионального проекта» и «сложного по реакции анонимного изменения среды». Анонимную реакцию [14, 15], проще говоря – самострой, - можно заменить на «архитектора квартала», как это предлагалось в эксперименте с кварталом №46. На За-

паде еще в 70-х, благодаря Роду Хэкни, позже – Ричарду Хэтчу [16], Кияненко [17] и другим, этот процесс получила название «партиципация» (соучастие), или «социальная архитектура». В этом случае процесс саморазвития в архитектурном смысле переходит на уровень опосредованного диалога «профессиональных проектов»: “up-bottom”- “bottom-up”. Самоуправление – внутренняя организационная подоплека саморазвития – обеспечивается в самарских дворах за счет существования небольших соседств, где люди хорошо знакомы друг с другом [18].

Следовательно, смысл концепции саморазвития при создании проектов для новых территорий, заключается, во-первых, в ограничении размера соседства (возможен вариант с «системой соседств» внутри локальности, как это происходит в самарском квартале, с последующим делегированием полномочий на уровень самоуправления кварталом); а во-вторых – в бинарной оппозиции внятного по форме периметра и структуры, включающей общественное пространство локальности [19].

Добавим в итоге, что архитектура должна создавать организованную среду, в которой «овеществляются принятые обществом ценности». Свои функции архитектура осуществляет через формообразование. Возникая через непрерывный процесс формообразования, архитектура получает качества, транслируемые извне не только обстоятельствами «культурного конфликта» проектов, но социологией, психологией, культурологией, семиотикой. Особое значение для архитектуры имеет формирование городской среды, воплощающей связь прошлого, настоящего и будущего и определяющей особенный образ данного города, позволяя ему при происходящих с ним изменениях оставаться, тем не менее, самим собой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стратегический мастер-план: инструмент управления будущим. Московский Урбан-Форум. М.:2014
2. Малахов С.А., Никонов К.Е. ГИЭПОЛИС. Гармоничное и эффективное поселение. Самара. СГАСУ. 2014.
3. Боттон, Ален де. Архитектура счастья. Как обустроить жизненное пространство. М.: Классика-XXI. 1913.
4. Hertzberger, Herman. Projekte. Projects. 1990-1995. / Herman Hertzberger; - Rotterdam: Verlag 010 Publishers
5. Hertzberger, Herman. Lessons for Students in Architecture / Herman Hertzberger; - Rotterdam: Verlag 010 Publishers, 1991
6. Малахов С.А., Репина Е.А. Учебная мастерская Сергея Малахова и Евгении Репиной. 1999- 2014. Издательство TATLIN, Екатеринбург, 2014.
7. Саваренская Т.Ф. Западноевропейское градостроительство XVII-XIX веков. М.: Стройиздат, 1987.
8. Малахов С.А. Самарский двор – средовой и социокультурный феномен\ The Samara Courtyard – an Environmental and Socio-Cultural Phenomenon (статья). В сб. Самара: Наследие под угрозой\Samara: Endangered City on the Volga. ООО «Издательский дом «Агни», 2009.
9. Sustainable Urbanism and Beyond. Rethinking Cities for the Future. Edited by Tigran Haas. N.Y. RIZZOLI, 2012
10. Корбюзье, Ле. Три формы расселения. Афинская хартия. М.: Стройиздат, 1976.
11. Бархин М.Г. Город, структура и композиция. М., «Наука», 1986.
12. Малахов С.А., Яковлев И.Н. МЕМ и РЕКС. Квартал -эксперимент естественного моделирования // Архитектура СССР. 1985, №5, с.83-88.
13. Малахов С.А. Десять лет спустя: проблемы реализации программы «Ковчег». Тезисы доклада «Проблемы реконструкции исторических центров. крупных городов России», 6 - 9 сентября, Нижний Новгород, 1994.
14. Репина Е.А. Значение категории «случайность», «спонтанность» в научно-естественном и постмодернистском дискурсах и в современной архитектуре. Вестник ОГУ. Оренбург, 2015.
15. The Spontaneous City. Urhahn Urban Design. BIS PUBLISHERS. Amsterdam, 2010.
16. The Scope of Social Architecture. Edited by C. Richard Hatch. Published by Van Nostrand Reinhold Company Inc., 1984.
17. Кияненко К.В. Общество, среда, архитектура. Вологда: ВоГУ, 2015.
18. Малахов С.А., Репина Е.А. Стратегия бесконфликтной реконструкции исторической среды на примере города Самары. Вестник ОГУ, №5, Оренбург, 2015.
19. Малахов С.А., Репина Е.А. Острова идентичности (статья) . Проект Волга\ProjectVolga. 2008. № 16\17